

АЭС в режиме спецбезопасности

Совсем еще недавно, в «застойные» времена, а уж раньше — тем более, секреты и тайны нас окружали чуть ли не на каждом углу. «Закрытые» институты, «почтовые ящики», номерные города... Разные бумаги с грифом «ДСП», «Секретно» — словом, «не для печати»...

Между тем, местный народ, как водится, все эти тайны знал и в общении между собой страшных глаз не делал: вроде бы так и нужно, такая жизнь-игра... Все, например, прекрасно понимали, что на такое предприятие, как атомная станция, не зайдешь запросто как в какую-нибудь котельную, что есть там службы, бдительно следящие за пропускным — и не только пропускным — режимом... На

слуху было загадочное словосочетание — «1-й отдел». В печати, кстати, даже упоминание — даже намек! — об этом отделе цензоры Главлита вымарывали, не задумываясь...

Пришли иные времена. И сегодняшний наш собеседник — заместитель генерального директора Чернобыльской АЭС по режиму специальной безопасности **Павел ИВАНОВ**.

АЭС В РЕЖИМЕ СПЕЦБЕЗОПАСНОСТИ

(Окончание.)

Начало на 1-й стр.)

— Павел Аркадьевич, прежде всего, спасибо Вам за согласие на эту беседу. Но позвольте сразу задать не совсем корректный вопрос, который уже наверняка возник у многих читателей, воспитанных на советской детективной литературе: Ваша фамилия — не псевдоним! Ведь известно, именно за такими распространёнными фамилиями раньше долгие годы «скрывались» разведчики, конструкторы космической техники и тех же реакторов...

— Господь с Вами! Фамилия — самая настоящая, перешла от отца с матерью...

— Павел Аркадьевич, усиленная охрана таких объектов, как АЭС, существовала — и у нас, и у «них» — всегда. Скажите, от кого и от чего стерегли реакторы раньше и от кого и от чего стерегут теперь!

— Атомная станция — это объект повышенной опасности — и ядерной, и радиационной, и пожарной. Если говорить в самых общих чертах, то задача нашей службы — обеспечение безопасности АЭС от внешней или внутренней угрозы...

— Павел Аркадьевич, надеюсь, что в процессе беседы на конкретных примерах объясните, как и за счет чего ваша служба обеспечивает безопасную работу АЭС. Но чтобы сразу закрыть еще один волнующий вопрос, скажите: какому ведомству подчиняются сотрудники вашего отдела режима спецбезопасности?

— Мы — работники станции. Состоим в штате так же, как операторы, инженеры, ремонтники. Раньше нас действительно называли «первым отделом», в котором было две группы — одна занималась документацией, другая — организацией режима безопасности станции.

Позднее, когда начали теснее сотрудничать с МАГАТЭ, поняли, что главное — не в технических секретах, которые якобы тут охраняем — они на Западе известны, а надежное обеспечение безопасной работы самой АЭС. Сейчас наша служба называется «отдел режима специальной безопасности» и по терминологии МАГАТЭ ее главной задачей является организация физической защиты станции. На многих западных АЭС подобные службы именно так, не мудрствуя лукаво, и называют — «ФЗ» — физическая защита. Что это такое? Во-первых, это охрана АЭС, которую несет войсковая часть, — ее мы, грубо говоря, «нанимаем» на работу; во-вторых, рубежи охранной сигнализации и различного вида ограждения; в-третьих, система самоохраны, когда оперативный персонал сам следит, чтобы никто чужой не проник на технологически и экологически опасное производство.

— В последнее время средства массовой информации все чаще сообщают о хищениях высокоактивных материалов с предприятий, занимающихся их производством, а также их контрабанде за рубеж. Мало того, вооруженные конфликты в южных регионах бывшего СССР породили такое

явление, как ядерный шантаж: то одна воюющая сторона, то другая объявляют о наличии, якобы, у нее атомной бомбы, или, как не так давно выразился министр внутренних дел Азербайджана, «самодельного ядерного взрывного устройства»... Естественно, общественность озабочена: возможно ли такое!..

— На атомной станции сосредоточены различные ядерные материалы — тепловыделяющие элементы (ТВЭЛы), отработанное топливо, другие ионизирующие вещества. Все это, конечно, при желании и умении можно использовать для изготовления ядерных устройств или приспособлений, направленных на уничтожение людей. Известны случаи, когда «обиженные» подчиненные подкладывали радиоактивные вещества в кресла руководителей или засыпали радиоактивный песок в вентиляционную систему, и люди, находящиеся в таком помещении, получали какую-то дозу облучения.

Учтите и специфику Чернобыльской АЭС, находящейся в 30-километровой зоне, где осталось много радиоактивно загрязненных объектов, техники, государственного и личного имущества. Возможностей для хищения, особенно в первое время после аварии было для нечестных людей предостаточно. В печати писали и о «радиоактивных» запчастях для автомобилей и даже о «радиоактивных» детских кроватках, вывезенных с территории 30-километровой зоны. Не допускать подобные хищения — тоже обязанность нашей службы. Ведь из-за алчности и радиационной безграмотности со временем мародеры не понимают, что они подвергают опасности не только тех, кому продадут эти вещи, но и собственную жизнь. Поскольку радиация не имеет ни запаха, ни цвета, ни вкуса, то против нее у человека не срабатывает даже инстинкт самосохранения.

Режим, который введен у нас по охране реакторных помещений, хранилищ свежего и отработанного топлива, полностью основан на рекомендациях и инструкции МАГАТЭ. Кроме того, мы определяем и «категорийность» помещений, в которых находятся наиболее опасные технологии и оборудование. Порядок ввоза, хранения и вывоза ядерного топлива также лежит на отделе режима спецбезопасности. Новые тепловыделяющие сборники (ТВС) доставляются под усиленной вооруженной охраной. Их перевозка на станции — тоже. Опломбированные контейнеры с ТВС помещаются в специальное хранилище, предназначенное только для этих целей, которое находится за рубежами сигнализации и охраняется караулом из состава воинской части. Таким образом, постороннему человеку, кроме работников отдела ядерной безопасности, доступ к свежему топливу закрыт. Подобная охрана предусмотрена и для хранилища отработанного ядерного топлива (ХОЯТ).

— Для потенциальных злоумышленников особый интерес, наверное, представляют тепловыделяющие сборники, используемые в реакторах

для поддержания цепной реакции. Если ее распилить, рассказывал мне один из специалистов ЧАЭС, то вынести за территорию станции труда не составит. Вот вам и исходный материал для «самодельного ядерного взрывного устройства»...

— Теоретически, конечно, все можно сделать. Но на практике — вряд ли. Вход в такие помещения осуществляется строго по спискам, сюда не сможет попасть даже работник АЭС, если он из другого цеха или отдела. Кроме того, здесь установлены видеокамеры, и «картинка» передается на мониторы, работающие в караульных помещениях.

Для создания самой маленькой атомной бомбы требуется определенное количество высокообогащенного урана или плутония. Последний, кстати, на ЧАЭС не производится — это заблуждение журналистов и «зеленых» (вероятно, появилось оно потому, что реактор РБМК был в свое время сконструирован на базе военно-промышленного реактора, действительно предназначенного для производства оружейного плутония). Остается, значит, высокообогащенный уран. Похитить такое количество, как свидетельствуют специалисты, теоретически может только «свой» человек, да и то по частям. К тому же в кармане или за пазухой радиоактивное вещество не понесешь — нужны специальные контейнеры или емкости. Из анализа происшествий на западных АЭС мы знаем, что более 80 процентов всех инцидентов, связанных с нарушением режима, происходит именно по вине какого-либо работника АЭС, «обиженного» жизнью или начальством. Известен инцидент, когда несколько лет назад, на одной из западных АЭС такой «обиженный» отключил сразу три работающих блока. К счастью, на этом его вредительство закончилось.

— Павел Аркадьевич, Вы приводите примеры из «их» жизни, а из нашей!..

— Года два назад был случай и на Чернобыльской АЭС, когда один из работников станции спрятался в реакторном зале. Благодаря телеконтролю его быстро обнаружили. Доказательств, что он имел какую-либо неблагоприятную цель, у нас не было. Сам работник объяснил, что он просто устал и хотел поспать в укромном месте. Такое намерение у него было или иное — установить было невозможно. А поскольку никаких противоправных действий он, кроме нарушения внутреннего режима АЭС, не совершил (или не успел), то был просто уволен, как нарушитель дисциплины.

Что касается проникновения на станцию «извне», то совершают их, как я уже говорил, чаще всего психически больные люди. Вот недавно рядом с объектом «Укрытие» поймали мужчину, который пришел пешком (!) из Хмельницкой области. Как он сам рассказал, «для конспирации шел только по ночам». В безлюдных местах сделал подполье под ограждением из колючей проволоки тридцати-, а потом и десятикилометровой зоны. Он, видимо, вообразил себя Дон-

Кихотом. Но если герой Сервантеса сражался с ветряными мельницами, то наш «партизан» решил «сразиться» с «саркофагом»...

Другой «герой» приехал аж из Владивостока рассказать о своем последнем изобретении — как «уничтожить радиацию». Между прочим, в журнале «Наука и жизнь», который он нам показывал, была даже напечатана его статья — правда, на другую тему.

Кстати, больные люди, пытающиеся проникнуть на станцию, нередко прикрываются командировочными удостоверениями редакций газет и журналов. Добывают их разными путями...

— В прошлом году белорусская газета «Республика» напечатала сенсационный материал о том, как группа террористов неопределенной политической ориентации захватила Игналинскую АЭС и почти сутки удерживала ее. Для освобождения оказавшегося в заложниках персонала были привлечены спецвойска. Об этом происшествии мало кто знает потому, писала газета, что правительство и компетентные органы Литвы не заинтересованы в его оглашении. Многие читатели «Республики» не обратили внимание на рубрику «Фант-прогноз», сопроводившую эту публикацию — настолько достоверно, с описанием деталей была преподнесена эта выдуманная история. Естественно, белорусы перепугались: до Игналины рукой подать... В следующих номерах газете пришлось успокаивать общественность: это, мол, была шутка, но и намек, что не исключено, мол... Вопрос поэтому такой: а предусмотрено ли вашей службой подобная ситуация, если, не дай Бог, группа маньяков поставит цель захватить станцию или устроить на ней диверсию! Вооружены ли ваши сотрудники!

— Опасность таких предприятий, как АЭС, действительно еще и в том, что разного рода экстремисты могут использовать их как средство террора и политического шантажа. За последние двадцать лет в мире было совершено около 80 попыток использовать объекты атомной промышленности в качестве аргумента для выполнения каких-либо требований экстремистов. Подчеркиваю — попыток, ибо до трагических событий дело ни разу не дошло.

Была такая попытка и на территории бывшего СССР, в Арзамасе-16 в 1978 году. Тогда группа молодых людей решила забаррикадироваться в одном из «ядерных» цехов и выставить ультиматум правительству. Я, к сожалению, не помню подробностей этого давнего дела, какие были требования и что парни собирались делать дальше. Да это и не важно: какими бы «справедливыми» не были претензии, с помощью ядерного шантажа их не разрешают. Помню, что в группе в основном были пятнадцати-восемнадцатилетние парни, а вот руководил ими 26-летний гражданин, уже знакомый с Уголовным кодексом. Но дальнейшее дело у «заговорщиков» не пошло — группу вовремя раскрыли сотрудники КГБ.

Работники нашего отдела,

кстати, не вооружены. Хотя должен заметить, что на многих западных АЭС оружие имеют не только сотрудники служб физической защиты, но и оперативный персонал, работающий на блочных щитах управления. Береженого, как говорится, Бог бережет.

В соответствии с законодательством Украины охрана атомных электростанций поручена войскам МВД. Воинская часть, которая по договору с Чернобыльской АЭС

охраняет ее, вооружена, как и положено боевому подразделению, автоматами, пулеметами, гранатами...

В свое время военные специалисты произвели расчеты, что необходимо, чтобы защитить объект от нападения, скажем, вооруженной диверсионной группы, и сколько времени бойцы смогут «держать оборону над превосходящими силами противника» до подхода подкрепления. Как и положено в армии, регулярно проводятся учения, моделируются различные ситуации...

Отдел спецбезопасности ЧАЭС является и контролирующим, и координирующим органом по отношению к «прикрепленной» к станции воинской части. Мы определяем, где должны находиться их люди при транспортировке ядерных материалов, в каких контрольно-пропускных пунктах их присутствие необходимо. Мы же осуществляем координирующие действия с черновицкой милицией, которая тоже хорошо вооружена. Так что в случае какой-либо опасности, а тем более при получении информации от СБУ — Службы безопасности Украины — о возможном появлении вооруженной экстремистской группы, наша войсковая часть может применить оружие. У них есть и соответствующие средства, чтобы уничтожить, например, вертолет, если станет известно, что он приземлился на территории станции с диверсионной или другой подрывной целью.

Кстати, в западных странах, имеющих АЭС, приняты законы, запрещающие самолетам и вертолетам приближаться к объектам атомной энергетики ближе, чем на три-пять километров. Это вызвано не только опасениями захвата АЭС с воздуха, но и обычными мерами предосторожности. Самолеты и вертолеты, как известно, иногда падают, и одна локальная катастрофа может привести к другой, масштабы

которой будут уже огромными... В Украине такого закона пока нет, как и нет закона об атомной энергетике — он все еще в стадии разработки. Между тем, над ЧАЭС пролегают «коридоры» для гражданских самолетов, летают военные... Недавно из суверенной Беларуси — дружественного, но все же другого государства — прилетел вертолет, пилот которого имел указание «садиться прямо на станции»... Скоро, надо полагать, появятся личные самолеты и вертолеты... Поэтому в законе должно быть сказано четко: «Летать над объектами атомной энергетики запрещено» и предусмотрена строгая ответственность за его нарушение.

Сейчас службы спецбезопасности, а вернее все же сказать — физической защиты — всех украинских АЭС в своей работе руководствуются требованиями МАГАТЭ, предъявляемыми к охране атомных и других ядерноопасных объектов. Однако во всех западных странах, кроме «атомных законов», есть и собственные государственные критерии по обеспечению физической защиты при обращении с ядерными материалами. Исходя из этих критериев, ни одна фирма или компания — ни государственная, ни частная — не получит лицензию на эксплуатацию объекта, если не докажет, что ею выполнены все требования по обеспечению (цитирую) — «защиты объекта от внутреннего вмешательства или воздействия извне». Кое-какие шаги в этом направлении предпринимаются и у нас в Украине. Например, когда в прошлом году первый и третий энергоблоки после полугодового простоя, вызванного заменой запорно-регулирующих клапанов после инцидента на Ленинградской АЭС, вновь вводили в эксплуатацию, в Госатомнадзоре Украины был выдан документ о том, что все мероприятия, обеспечивающие общую защиту станции, выполнены.

Но это лишь первые шаги. В независимом государстве, каким стала Украина, где на пяти станциях работает 14 энергоблоков и обсуждается вопрос о снятии моратория на ввод новых, принятие закона об атомной энергетике — острейшая необходимость. В нем должен быть и раздел о физической защите АЭС. Кстати, со своей стороны мы свои предложения уже внесли.

Я уверен, что атомная энергетика в Украине будет развиваться — здравомыслящие люди понимают: альтернативы пока нет. Но население должно быть уверено: она безопасна, а из аварии 1986-го сделаны самые серьезные выводы. Обеспечить же безопасную эксплуатацию АЭС с точки зрения «внутреннего или внешнего вмешательства» как раз и есть обязанность той службы, которую я представляю.

Интервью взял Виктор ДЕМЕНЕВ, заведующий корреспондентским пунктом отдела внешних связей ПО ЧАЭС.